
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 930.2:27-788:314 "16/17"

DOI: 10.19110/2304-5922-2020-1-4-8

*М.С. Черкасова**

Семья и термины родства в источниках XVI–XVII веков

В статье анализируются семейно-родственные аспекты исторической демографии, использование в источниках слова «семья» и различных терминов родства. Отмечены ближние и дальние его степени, роль канонических и церковных правил в функционировании института православного брака. Привлекаются челобитные, публично- и частноправовые акты XVI–XVII столетий. Обращается внимание на родственную терминологию в отношении женского и мужского монашества.

Ключевые слова: семья, отношения родства и свойства, ближние и дальние родственники

M.S. Cherkasova

Family and various terms of kinship in the sources of the 16th and 17th centuries

The article examines the family-related aspects of historical demographics: the use of the word “family” and various terms of kinship in straight and lateral lines. The near and far degrees of kinship, the role of canonical and ecclesiastical rules in the functioning of the institution of orthodox marriage are noted. The human rights, public and private acts of the 16th and 17th centuries are involved. Attention is drawn to related terminology in relation to female and male monasticism.

Key words: family, relationship of kinship and properties, near and far relatives

Термин «семья» в эпоху Московской Руси с её знаменитым «Домостроем» нечасто встречается в источниках. В духовных грамотах служилых землевладельцев монастырям в 1560-е гг. предписывалось «... за наше здравье при нашем животе Бога молити, за меня и за мою семью, а после нашего живота им нас поминати и родителей наших и в сенаник написати» [1, с. 201–202]. По наблюдениям Е.Н. Швейковской, из 345 публичноправовых актов между Судебником 1550 г. и Соборным Уложением 1649 г. семья в контексте судебно-следственных мероприятий употребляется в двух: в наказе о губных делах 1556 г. и севернорусском Судебнике 1589 г. («... в обысках многие люди лжут семьями и заговоры великими»). В Уложении царя Василия Шуйского 1607 г. «семья» фигурирует в связи с порядком найма на сезонные работы – это мог делать человек «один, а не семьею» [2, с. 26]. И если здесь семья – малый коллектив родственников (супружеская пара с детьми), то в выше приведенной духовной 1560-х гг. под семьёй могла пониматься жена-вдова. В дозорных книгах Вологодского уезда 1615/16 г. семейная формула «крестьяне з женами и з детьми» используется, когда говорится, что они «умерли от зяблых лет во 111-м (1602/03) году» или «сошли в мир от казачья разорения» или «от хлебной скудости» [3, с. 1043, 1045]. Формула «з женами и детьми и со всеми их животь» в Соборном Уложении применительно к сыску беглых крестьян общеизвестна и под ней подразумевалась малая двухпоколенная семья.

* **Черкасова Марина Сергеевна** (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета; г. Вологда, ул. Ленина, 15; mskerkasova@mail.ru

Возможное значение этого слова как СЕМЬ-Я удалось заметить в закладной записи по Алатырскому уезду 1632 г.: во дворе хозяин «в семье сам семья», в другом – мать-вдова с детьми «сама сема», в третьем – семья «сам друг с женою» [4, по Алатырю № 55]. Попутно получаем сведения о численности малой семьи – её количественный состав был примерно одинаков во всех социальных слоях общества, 5–7 чел. Вдова служилого человека после его гибели «осталась сама сема с пятью сынами и дочерью». Двое старших сыновей «в службу поспели», а трём было соответственно 13, 8 и 5 лет, возраст же дочери не указан. Здесь интересны данные и о возрасте младших детей – редкая деталь в документах того времени.

В источниках встречаются и более «густо населенные», неразделенные семьи. В вотчине Дионисьево-Глушицкого монастыря в 1679 г. жила «горькая вдова» вместе с четырьмя взрослыми сыновьями, у тех, в свою очередь, восемь сыновей, а всего людей в данной крестьянской усадьбе было 25 чел. мужского и женского пола [3, с. 816–817]. Столь объёмной численности семьи никакой из видов кадастровых источников XVII в. – ни вотчинный, ни церковный, ни государственный – не даёт. Священник в челобитной мог указывать, что у него «на хлебе 10 душ». В одной челобитной 1690-х гг. по Чарондской округе описан совместный труд местных причетников: «...покошьишко роспахали и рочистили, и хоромы поставили, а семьи у них 14 душ» [5 вып. 7, с. 157–158]. Семья как единица исчисления народонаселения фигурирует в итогах переписной книги Вологды 1678 г. Там говорится, что 247 семей посадских людей и бобылей «живут на дворничестве у жилецких людей всяких чинов» [6, с. 167].

В наказе властей Соловецкого монастыря 1679 г. отмечены дворы, в которых проживало по 2–3 семьи, под семьей же понимается локальное сообщество тех, «кто хлеб едят особно по своим» и был установлен размер судебной пошлыны «довода»: с крестьянской семьи 2 алт., с бобыльской 10 денег [7, № 232]. Здесь семья выступает как объект вотчинного обложения и несомненна её ведущая роль в хозяйственно-производственной жизни, в социализации человека на доиндустриальной стадии общественного развития.

Вписанной в более широкий коллектив – крестьянскую общину – выглядит семья в документах Вологодской архиерейской кафедры в её крупной вотчине на Лежском Волоке, где к началу XVIII в. насчитывалось более 1000 дворов и около 4 тыс. жителей. Отсюда крестьяне обращались с различными челобитными к правящему архиерею, и в них вслед за мирскими старостами поименно указывалось до 50-ти дворохозяев «от семей» [8, № 11306, л. 3]. От них же в помощь старостам избирались мельничные и житничные целовальники, выполнявшие в вотчине и крестьянском мире важные организационно-хозяйственные функции. Так выборные представители от совокупности (обычно десятка) семей вместе с мирскими старостами и вотчинными приказчиками становились низовым звеном в вертикали вотчинной власти и мирского самоуправления в деревне.

Особенностью словоупотребления в эпоху Московской Руси была уменьшительная форма *семьишко* для обозначения жены («женишко-семьишко»), причём безотносительно к социальной принадлежности называемой персоны [8, № 6455]. Так могла быть названа жена и служилого, и посадского человека, и «крестьянка-салдацкая женишко». Любая из них, потеряв мужа, в челобитных фигурирует как «убогая сирота вдовишко» [3, с. 675, 726–727]. Иногда и полная форма использовалась: жена-семья. Ранний (1600/01 г.) образец такого отождествления был выявлен Д.Е. Гневашевым среди документов вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, а опубликован Е.Н. Швейковской [2, с. 46–47 – прим. 61]. Речь идёт о вдове умершего служилого человека И.С. Трусова Варваре, которая постриглась в приписном Никольском монастырьке на Валухе и её должны были «покоить» и содержать до смерти прилуцкие власти. Термины *вдова* и *женишко* употреблены как синонимы в челобитной группы помещиков Брянчаниновых архиеп. Гавриилу – «вдова Федорица Яковлевская женишко Брянчанинова да вдова Марьица Патрекеевская женишко Чернавского» [8, вып. 12, с. 113, 239]. В термине семья отразилась не только собирательность, но и его избирательность, направленность на замужнюю женщину [2, с. 52].

Для обозначения незаконных жен (они же наложницы/жонки/блю(-я)дницы и пр.) с точки зрения мужчин в челобитных иногда использовалось слово *дворница/подворница* [8, № 7161, л. 5]. Распространение сезонного наёмного труда у крестьян, не исключая и женщин, иногда приводило к незаконному сожителству хозяев с женками-наймитами и женками-приимками [9, № 92]. Такие работницы становились подворницами, жившими в чужих дворах. Отсутствие своего жилья и полноценной семьи нередко приводило человека в состав монастырских слуг: «бездомовные холостые служебники» [3, с. 1058].

Пришедшие в семью новые члены назывались зять, невестка/сноха, свесть. Если зять – это муж дочери, а сноха-невестка – её название по отношению к родителям мужа, то светь/свесть – родная сестра жены (свояченица/«своячина»), как шурин – родной брат мужа, а деверь – родной брат жены. Расторгнувшие брак и ставшие монахинями из-за болезни женщины назывались «посестрии / подружии», поступившие в монахи мужья – «побратимы» [5, вып. 2, с. 32–33; вып. 7, с. 126, 149]. Если у монахини в мирской жизни было два брака, а потом мужья тоже постриглись, то она их определяла как «мой первый и мой второй побратим».

Умерший (и вполне законный) муж в духовном завещании монахини мог и вовсе называться «мой сожитель», что вызывает невольное удивление [10, № 452, л. 7].

Во всяком случае удержание родственного оттенка для монашества весьма показательно с точки зрения его социальной природы, тесной включенности в социум, неразрывности связующих мир и обитель социальных и родственных нитей, их широкой и глубокой взаимопроницаемости. Сильно «опутанными» эти связи выглядят у белого приходского духовенства на севере, когда отец – поп, один его сын (или брат) – дьякон или дьячок, брат жены или сын-подросток – пономарь, жена – просвирница в том же храме и т.п. Это явление отражало тенденцию к потомственной закрепляемости данного сословия, его семейно-профессиональной сплоченности, важности сохранения за собой поземельно-имущественного статуса, места в данной церкви и его передачи детям [11]. Предпринятое нами ретроспективное изучение переписных книг Устюга 1710 и 1717 гг. позволило выявить у ряда семей городского духовенства непрерывное служение до четвертого поколения («поповской *правнук*»).

Наряду с отцом и матерью, в актах отмечены «вотчимы» и мачехи – свидетельство распространения в ту эпоху повторных браков [1, с. 191; 11, т. 1, № 116, 168, 283, 296, 318; т. 2, № 29, 33, 42, 43, 101; т. 4, № 71, 72, 401, 542, 547]. С этим явлением были связаны и такие определения чужих детей, как «приимыш», пасынок и падчерица. Приёмные родители и дети назывались нередко «Богом данными».

Распространение в русской армии в царствование Алексея Михайловича солдатских наборов обусловило длительное отсутствие мужей в семье и непростые отношения оставшихся там их жен со свекрами и свекровьями. В челобитной одной крестьянки Дионисьево-Глушицкого монастыря 1658 г. описана сложная семейная коллизия, когда свекр умер, а его вдова (приходящаяся мачехой ушедшему в армию солдату) вышла замуж, присвоив деньги свекра и пасынка [3, с. 675]. Сноха могла судиться со свекровью о приданом перед монастырскими властями [3, с. 693–694], а вдова – с деверьями (братьями умершего супруга) «о мужних статках по духовной» [13, л. 6 об.]. У одной заболевшей сразу же после свадьбы девушки «свёкра» отняла приданое, а муж понуждал к пострижению. Матери девушки пришлось искать управу на новую родню в архиерейском суде [3, с. 790–791]. Отмеченные в документах «сваты» и «кумы» отражают отношения (помимо «роду-племяни») свойства/сватовства и кумовства [3, с. 676–677]. Обобщённым названием ближайшего круга родственников по боковой линии мужской и женской (брат-сестра-племянник-племянница-тетка-дядя родные и двоюродные) служили слова родимцы/сродники/*сродичи* [5, вып. 7, с. 9; вып. 12, с. 34–36; вып. 13, с. 71].

Сохранилось несколько сказок священников о полном составе своих семей, вместе с которыми они по приказу вологодского архиеп. Варлама отправлялись в Тобольск в распоряжение архиеп. Тобольского и Сибирского Макария в 1635 г. Численность этих семей колебалась от 4-5 до 11-12 чел. Кроме попа с попадёнй, в семью входило 3–5 детей (включая дочерей), иногда родные и двоюродные братья (женатые или холостые), а ещё «люди»-работники («человек мой», «женка-вдова-вдовишко», «малой на хлебе»). Монашествующие черные попы, направляемые в Сибирь, указывали в своих сказках племянников и братьев [14, т. 2, стб. 595–596]. Два белых священника указали живших у них матерей-вдов, представлявших старшее поколение, – «матушка моя, попова», «мати-старица Софья».

В явочной челобитной помещика Н. Борятинского 1634 г. в перечне пограбленных ворами домашних вещей отмечены «шапка *вдовья* камчатая *черная*» и «летник *вдовый*...вошвы бархат *черной*». Вошвы – это лоскутки дорогой ткани, вшиваемой как украшение в одежду [14, стб. 574]. Выходит, вдова в семье/доме могла выделяться цветом повседневной одежды? Уменьшительной формы от матери типа жена/женишко не встречается, а определение *матушка* только подчеркивало уважительное к ней отношение. Оно же чувствуется и применительно к отцу. В раздельной грамоте попа 1660 г. говорится, что он «...умножения ради *семьи по батюшкову* приказу отделил брата своего, во всем житейском заводе дал ему половину, а в земле треть во всех полях, и моим детям и внучатом не обижать его детей и внучат и в поповской деревне земли им дать, по семье смотря...» [5, вып. 3, с. 9–10].

В исходящих от духовенства документах термин семья чаще всего покрывает собой отнюдь не только жену, а весь малый коллектив: «...Помираю от голода *со всею своею семьею*» [5, вып. 12, с. 117]. У потерявшего жену попа дети «сиротишки, родственником и приятелей им нет» [5, вып. 3, с. 72]. Отсутствие у детей родителей отождествлялось с нищенством: «нищее сиротство, что у меня нет ни отца, ни матери» [5, вып. 3, с. 77]. Понятия одиночества-сиротства-скудости-нищенства тесно соприкасались, но и тяготение к созданию семьи заметно: «...благослови, святитель, жениться ради моего нищего сиротства, что нет у меня, нищего, ни отца, ни матери»; «...человеченко я пахотное, одинакое и без жены мне никак не мошно»; «...человеченко я одинакой и скудной» [5, вып. 9, с. 122]. Бедственное материальное положение сельского духовенства раскрывалось цепочкой уменьшительных слов: женишко-робятишки-домишко-дворенко-повытейцо», из них «попы со своими семьями ушли» [5, вып. 3, с. 86–88].

Термин *сирота* имел и предельно широкое социальное значение: так определяли себя в челобитных крестьяне к архиерейским, монастырским, царским властям. Прибегали к нему и посадские люди, а в индиви-

дуальном употреблении он дополнялся совокупностью депрессивных черт, касающихся и возраста, и состояния здоровья челобитчика: «дряхлой-увечной–безногой-нищей-беспомощной сирота». В таком положении человек просил разрешения у архиепископа постричься в монастыре [5, вып. 11, с. 127].

Иногда в рамках определения «мои дочеришки» отражены существенные отличия возраста и семейного статуса: две девки-девчонки, а третья – замужняя дочь [5, вып. 12. с. 113, 239]. Великовозрастную незамужнюю дочь-«вековушу» родители-крепостные помещицы крестьяне могли назвать «девченку в полных летех, близко сорока». Она постригалась в вологодском Горнем Успенском монастыре, и в данном случае монашество выступало альтернативой несостоявшемуся замужеству. Для престарелых же родителей, а ещё милостиво отпустивших её в обитель бывших помещиков она становилась усердной богомолицей [15, с. 265].

В актах служилых землевладельцев и кадастровых источниках понятия «бездетности», «бессемейства», «бесплеменства» указывают на отсутствие потомства («бездетен, последний *роду* их»; «...он умре, а после него роду (вариант: отроду) не осталось»). За термином «родители» (и *прародители*) стоит более широкая ассоциация предков, нежели просто отец с матерью («помянуть всех *родителей* моей матери»), различаются понятия рода *ближнего* и *дальнего* [1, с. 86–88, 90, 94]. В росписях родства/родству, прилагаемых посадскими людьми и крестьянами к челобитным о вступлении в брак, фигурируют термины «единоутробный брат» (значит, у братьев была общая мать, а отцы разные), «двородная сестра», «двородный шурин» и «тётка в третьем колене» [5, вып. 11, с. 61; 8, № 745].

Не было принципиальной разницы в составе семей крепостных людей, принадлежавших господам («Николко з женою и с детьми и со всею семьею», такой-то з «женою и с детьми и со внучаты») [12, т. 1. № 216 ; т. 2. № 42]. Их семьи тоже могли быть двух- или трехпоколенными. Не имевшие полноценной семьи крепостные определялись как «хлопец», «детина», «паробок», «девка», «женка» (одинокая или незамужняя женщина с детьми, а ещё могла быть вдова с детьми) [12, т. 1. № 158, 288; т. 2. № 247] или только по имени: «Окулинка, Федотка, Галка» [12, т. 1. № 216]. Наличие повторных браков у холопов подтверждается духовными грамотами 1490-х гг. А.М. Плещеева и В.Б. Тучки-Морозова, упоминающих детей их холопов от первой и второй жены [16, № 562, 612].

«Росписи родству» составлялись в связи с конфликтными ситуациями, возникавшими на почве отказа одной из сторон от ранее заключенного сговора. В 1648 г. в архиерейском суде рассматривалось дело посадского человека Лариона Попова, который хотел женить своего младшего брата Давыда на девице, а её родственники, нарушив сговорную запись, ему отказали, сославшись на обнаружившееся между сторонами родство. В представленной архиерейским судьям росписи отмечены «единоутробные братья» (значит, отцы у них были разные), сестры родные и сестры двоюродные; тетка родная; отец и дед [8, № 745, стб. 4]. Интересные росписи родства были выявлены Н.В. Башниным в архиве Дионисьево-Глушицкого монастыря [3, с. 663–664, 894–895, 940–942, 1016–1017]. Для подтверждения того, что канонических препятствий к браку нет (между сосватанными женихом и невестой отсутствуют отношения родства-свойства-кумовства) привлекались священник, церковный и мирской старосты, все прихожане-дворовладельцы данного села или деревни [8, № 745, стб. 4]. Тем самым каноническая правильность брака находилась под контролем и церкви, и общины. В выдаваемых священникам венечных памятях содержались элементы брачного обыска: жених и невеста не должны быть «ни в роду, ни в племени, ни в крестном братстве, ни в кумовстве, ни в кровном и духовном свойстве, ни в сватовстве» [8, № 86].

При рассмотрении спорных дел о браках в архиерейском суде привлекались «росписи приданого». Они отражали материальный аспект заключаемых браков. В 1648 г. был спор двух помещиков – Томилы Островского и Семена Сапогова – на той почве, что последний, вопреки зарядной записи в 200 руб., отказался жениться на дочери Томилы. Размер «заряда», вероятно, был соотносим с составом приданого – в его росписи перечислены иконы, женские украшения-«кузнь» (серьги, ожерелья, перстни), одежда (шапки и «меховые шупки») с указанием стоимости каждой вещи. В челобитной богословского попа Иванища вологодскому архиеп. Варламу 1637 г. было высказано беспокойство о судьбе приданого его выданной замуж «внуки» (стоимостью 19 руб.) – муж с родней его пропили, а её «спехнули со двора нагу и босу» [14, стб. 1015–1017].

Таким образом, нами были рассмотрены случаи употребления в разных источниках эпохи Московской Руси терминов родства и расширение области использования основополагающего слова СЕМЬЯ как важного интегрирующего их начала. Во всех социальных слоях общества преобладала малая двух- или трехпоколенная семья, хотя встречались и более крупные, наразделенные семейно-родственные коллективы прямого и бокового родства.

Источники и литература

1. Антонов А.В. Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001.
2. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня в конце XVI – начале XVIII в. М., 2012.
3. Башнин Н.В. Дионисьево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв. Исследование и тексты. М.; СПб., 2016.

4. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии).
5. Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вып. 1. Вологда, 1899; Вып. 2. Вологда, 1900; Вып. 5. Вологда, 1902; Вып. 7. Вологда, 1904; Вып. 9. Вологда, 1908; Вып. 11. Вологда, 1910; Вып. 12. Вологда 1913; Вып. 13. Вологда, 1917.
6. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 1. М., 2008.
7. Акты Археографической экспедиции. Т. 4. СПб., 1836.
8. ГАВО. Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 1 (Вологодский архиерейский дом).
9. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3 (Устюжский архиерейский дом).
10. ГАВО. Ф. 496 (Вологодская духовная консистория). Оп. 1.
11. *Черкасова М.С.* Приходское духовенство на севере в XVI – начале XVIII в.: вопросы демографии и генеалогии // Генеалогия на русском севере: Мемориальная культура и родовое древо севера. Архангельск, 2019. С. 94–104.
12. Акты служилых землевладельцев. XV – начало XVII в. Т. 1. М., 1997; Т. 2. М., 1998; Т. 4. М., 2008.
13. ГАВО. Ф. 883 (И.Н. Суворов).
14. Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875.
15. *Суворов Н.И.* Сборник актов Северного края XVII–XVIII вв. Вологда, 1925.
16. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. М., 1964.